
ЗАЖЖЁННЫЙ
ПУСТОШЬ
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Эден Азаров

Зажжённый. Пустошь

«Автор»
2026

Азаров Э.

Зажжённый. Пустошь / Э. Азаров — «Автор», 2026

Серая Полоса – край, где не рождаются маги. Где есть только грязь, болота и безысходность. Аарен вырос здесь, среди людей, которые не верят в мечты.Но одна ложь – и его жизнь перевернулась. Теперь он вынужден стать тем, кем никогда не был. Он должен стать магом и воином.Дорога поведет его через арены, леса и стеклянные скалы в мир, где все решает сила, чтобы обрести настоящего себя. Потому что тот, кто начал с притворства, рано или поздно должен стать настоящим.«Зажжённый» – история о том, как ложь становится судьбой.

© Азаров Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1.1. МИРРОД – Из грязи 5
1.2. МИРРОД – Убежище 10
1.3. МИРРОД – Стеклянная птица 16
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Эден Азаров
Зажжённый. Пустошь

1.1. МИРРОД – Из грязи

Грязь.

Первое, что ты чувствуешь.

Утро в Мирроде начиналось с неё. Она была повсюду. Чавкала под ногами, стекала со стен домов, застывала коркой на лохмотьях местных жителей. Она была свидетелем всей скудной и плесневелой жизни, что протекала в этих землях, если Мирод можно было назвать землей.

Он стоял на болотах и врос в них, как тростник. Вот уже несколько поколений тут вязло небольшое поселение, не знавшее ничего другого. Люди рождались в грязи, жили, меся её, и после смерти оказывались под ней. Даже воздух здесь пах грязью – с привкусом навоза, мокрой золы и дыма из печных труб. Тяжелый, сырой и такой густой, что его невозможно было вдыхать, а приходилось тщательно прожевывать, перекатывать по языку и глотать. Он оседал на коже липкой пеленой, смешивался с потом так, что человек сам начинал пахнуть Мирродом. Его одежда пахла Мирродом. Даже его душа, как ему казалось, становилась испарением Миррода.

Но Лия была другой. Аарен не смог бы объяснить, чем именно, если бы его спросили. Он чувствовал, что грязь избегала её. Когда Лия шла, казалось, будто воздух становится легче, а грязь расступается под её ногами, не смея к ней липнуть. А если прилипала, то подсыхала и отваливалась как можно скорее, будто стыдясь, что посмела к ней прикоснуться.

Лия была здесь чужой.

У неё были светлые волосы. Светлые волосы – в Мирроде, где даже солнце давно выцвело и висело как оплывший огарок сальной свечи, не дающий ни тепла, ни света. А глаза, большие и светлые, горели огнём, какого здесь не видели никогда.

Аарен наблюдал за ней украдкой и не верил.

Лия была не просто красивой. Она была живой, и это было Мирроду не свойственно совсем. Она читала книги, которые привозил ей её отец из своих редких поездок. Она знала названия земель, о которых другие даже не слышали: Вестар, Остер, Санктум. Она восхищалась историями о великих воинах, обитавших за пределами этой топи. Она говорила о великих битвах так, будто сама в них участвовала. Будто сама стояла рядом и смотрела, как они сражаются за честь домов и империй, обретают славу и умирают за свои имена. И Аарен, сын пьяного кузнеца, был для нее пустым местом.

Он пытался заговорить с ней. Выдавливал из себя слова, как застрявшие в горле косточки – выходило жалко. Она отвечала вежливо, но её взгляд всегда скользил мимо, словно Аарен был частью пейзажа, частью грязи.

Аарен проснулся от того, что отец пнул его лежак.

– Вставай, – прохрипел отец, нетвердо держась на ногах и обдавая сына кислым смрадом. Запах ударил Аарену в лицо плотной волной, осел на щеках и забрался в ноздри.

Отец пошатнулся, ухватился за стену, как за плечо товарища, и добавил:

– Кузня ждать не будет, – хотя оба знали, что кузня уже давно ничего не ждет. Она стояла на краю деревни, покосившаяся, с проржавевшей крышей и заросшая то ли плющом, то ли каким-то ползучим сорняком, который не пробовала даже скотина. Отец Аарена был кузнецом, но в последние годы работал ровно столько, чтобы хватало на выпивку. Или же заставлял работать сына. Аарен иного и не помнил. Может, раньше отец был другим. Может, нет. В Мирроде никто не менялся в лучшую сторону.

Аарен натянул грубую рубаху, зачерпнул мутной воды из ведра, плеснул в лицо. В отражении воды он видел себя: тощий, нескладный, с темными волосами, которые вечно падали на глаза. Ему было тринадцать лет. Вроде бы. С какого-то момента он научился отсчитывать вёсны и зимы сам, но правильным ли был счёт, который вёл до этого отец, он не был уверен. Да и именины в Мирроде никто не отмечал.

Улица встретила его привычным гостеприимством. Утренний туман еще не разошелся, и деревня даже не казалась настолько отвратительной, насколько являлась на самом деле. Серая пелена как будто избавляла Миррод ненадолго от привычной ему палитры гниения, желчных подтеков на стенах и навозно-бурых куч.

Но Аарен думал вовсе не о тумане. Он шел по дороге и вспоминал вчерашний вечер.

Это было в местном трактирчике, единственном месте в деревне, где по вечерам собирались люди. Старый мешок с костями, бродячий торговец по имени Эрвин, заглянул в Миррод по пути на юг Остера. За кружку пива и миску похлёбки он вываливал байки и новости из остального мира: где был, что видел, какие слухи ходят. Аарен стоял в стороне, вжавшись в темный угол у двери и делая вид, что терпеливо ждет отца, который где-то в глубине зала громыхал кружкой. Аарен не реагировал так же восторженно, как остальные. Он притворялся, что ему неинтересно, но каждое слово впитывал, как голодный ребенок впитывает запах чужого хлеба.

– …а про Эйда слыхали? – вещал Эрвин, выдерживая паузу, чтоб отхлебнуть пивка. Все затихли и слушали. – Никто не знает, откуда он пришел. Говорят, появился из пустоты. Не из Пустоши, не из Вестара, не из Остера. Просто – раз! –и есть. И те, кто его видел, говорят: Искра у него такая большая, что он светится ярким сиянием.

– Светится? – недоверчиво переспросил кто-то из толпы, почесывая подбородок.

– Как светляк в кулаке, – кивнул Эрвин. – Говорят, он на уровне Столпов. Может, даже сильнее. Только никто не знает наверняка, потому что он силу свою не всю показывает.

– А чего ж он светится, если не секрет? – подал голос мужик с дальнего угла.

– Потому что Искра большая, – терпеливо, как ребёнку, объяснил Эрвин. – Не помещается внутри. Наружу лезет. Прямо через поры. Как пот, только светится.

– А он что, голый светится? – спросил кто-то из зала, и несколько человек хохотнули.

– Ты бы хотел, чтоб голый? – усмехнулся Эрвин. – Нет, говорят, плащ на нём. Но свет из-под плаща идёт, как будто внутри костёр.

Аарен стоял в углу и слушал. Он, как и большая часть присутствующих, не понимал половины слов – Искра, Столпы, Длань. Многие даже не знали, что такое Вестар и Остер. Но пиво делало своё дело, и толпа готова была торжествовать от чего угодно.

Аарен вспомнил Лию. Как она слушает такие истории. У нее глаза загорались, когда кто-то рассказывал о великих воинах и их подвигах. Она подавалась вперёд всем телом и дышала чаще обычного. Он видел это однажды. Стоял в стороне и смотрел на то, как она слушает чужую байку, и завидовал тому, кто умел так рассказывать.

– И где он теперь? – спросил кто-то.

– Основал орден. «Длань» зовётся. Сильнейшие маги, говорят. Никому не служат, ни Дому, ни Империи – сами по себе. И никто не знает сколько их. Может десять, а может, сотня. Но говорят, Эйд сам набирает. Только лучших. Тех, у кого Искра… ну, как у него самого что ли. Горит, в общем. Слышал, он ищет себе равного. Да только не нашел еще. Может, и не найдёт.

– Может, врешь ты всё? – хмыкнул пекарь.

Эрвин вновь усмехнулся, и Аарен заметил, что у него не хватает доброй половины зубов. Но улыбался он так, будто это было его преимущество.

– Может, и вру! – сказал он с лёгкостью, от которой Аарену стало не по себе. – Но я, дурак старый, готов поклясться, что человек тот был настолько пьян, что мог видеть самого Ткача. А может, и правду говорил. Кто ж разберёт?

В трактире снова зашумели. Где-то звякнула кружка, кто-то хрипло кашлянул. А Аарен стоял в углу и смотрел на Эрвина.

И вот теперь, шагая к кузне, Аарен снова думал об Эйде. О человеке, который вышел из пустоты. О маге, который светится в темноте. О том, что Лия смотрела бы на такого воина не сквозь, как смотрит на него, а прямо в глаза. Она бы отдала всё, чтобы встретить такого.

Аарен остановился.

Перед ним лежала дорога, вся в рытвинах и в грязи. Но она вела прочь из Миррода. Где-то там, за болотами и пустошью, лежали земли, о которых рассказывал Эрвин. Земли, где люди владели Искрой и магией. Где можно было стать тем, кого заметят.

А здесь, в Мирроде, не было ничего. Лишь жалкое влачение жизни.

Он опустил взгляд на свои грубые руки, все в мозолях, с черными полосками грязи под ногтями. Руки кузнеца. Или это руки воина? Кто сказал, что он не может стать воином? Кто сказал, что он должен быть сыном пьяного кузнеца и жить на болоте, пока болото не затянет его?

В кузне было темно и холодно. Отец сидел в углу, привалившись к стене, и уже безжалостно храпел. Аарен разжёг горн, взял молот и начал работать. Но мысли его были далеко.

Он думал о светящемся Эйде.

Он думал о Лие.

И он думал о том, что если уж рождаться в грязи, то необязательно в ней умирать.

Если я стану таким, – подумал он. – Если я стану тем, кого она ждёт…

Ночью Мирод становился другим. Нет, он всё еще оставался грязным, убогим и безнадежным, но ночью всё это пропадало в густой и непроглядной тьме. Грязь переставала чавкать под ногами, скотина затихала в хлевах, и последние алкаши расползались по своим избам, как тараканы по щелям. Мирод становился мертвым телом. Мертвее, чем днём. Тишина становилась кладбищенской. Даже сверчки пели тише, чем в других местах, боялись потревожить покой того, что никогда не было живым.

Аарен сидел на сеновале и при свете свечного огрызка перешивал отцовский плащ.

Игла была тупой, нитки – гнилыми, а пальцы – непривыкшими к такой работе. Они привыкли держать тяжелый молот, а не иголки. Плащ лежал на коленях грубой бесформенной тряпкой, но в планах Аарена он уже превращался в воинскую мантию. Он кололся, шипел, зализывал уколотые пальцы, но продолжал. Всё ради неё. Ради того, чтобы она однажды посмотрела на него и не отводила взгляд.

Он перекинул плащ через плечо, застегнул грубой пряжкой и посмотрел в своё отражение в осколок зеркала, который притащил с собой; повернул осколок так, чтобы поймать скудные лучи света и разглядеть себя. В мутном отражении он всё еще видел тощего невзрачного парня, который вдобавок и вырядился в нелепый плащ. Воином и не пахло.

Тогда он взялся за свои патлы. Он взял старый кухонный нож с зазубренным лезвием и начал резать. Густые темные пряди падали к его ногам. Нож спиливал его жесткие волосы, кожа на голове горела.

Когда он закончил, на полу сарая лежал целый ворох тёмных прядей, смешанных с сеном. Он поднял руку к голове и провел ладонью по коротким, неровным прядям. Кожу покалывало.

Теперь оставалось последнее – грим. Аарен, естественно, не умел его накладывать, но решил попробовать. Он слышал о том, что многие воины из племён за Пустошью перед битвой наносили на лицо боевой окрас: сажей, глиной, кто чем богат. Это как нельзя кстати подходило ему, чтобы скрыть своё лицо и при этом походить на воина.

Он окунул палец в сажу и провел две широкие линии поперек лба. Потом еще одну, красной краской, вертикальную, через левый глаз и до скулы. Работа была не тонкой, такой грим мог нанести себе только тринадцатилетний мальчишка, никогда не видевший сражения, но много о них слышавший. Он выглядел нелепо, но видел теперь в отражении другого чело-

века. Этого было достаточно, чтобы притвориться магом из Пустоши, где великие воины всё равно не водились.

– Сойдёт, – подытожил он.

За окном уже серело. Туман висел низко, почти касаясь липкой земли.

Аарен знал, что по утрам Лия выходит к колодцу. Она приходила туда одна. Он часто замечал её, когда сам с утра шел в кузню, а затем начал замечать специально – всегда подбирать момент, чтобы просто увидеть её и бояться подойти. Она тоже замечала его. Иногда ее взгляд падал на него, но тут же соскальзывал, как вода с промасленной тряпки. Никакого интереса, никакой искорки. Он был для нее просто частью Миррода. Просто еще один грязный мальчишка. Сегодня всё должно было стать иначе.

Тонкая фигура в светлом платье остановилась у колодца. Наконец-то, это была она. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он увидел её. Лия стояла спиной к нему, набирала воду. Светлые волосы были забраны в узел, но пара прядей выбивались и трепались ниже затылка, касаясь выступающих позвонков. Даже ведро в её руках выглядело не таким ржавым. Оно казалось лёгким, почти невесомым. Аарен смотрел на неё из-за угла и чувствовал, как сердце бешено колотится где-то в глотке, у самого кадыка. Он был готов выплюнуть его прямо в грязь, лишь бы не чувствовать, как оно рвется наружу. Плащ давил на плечи. Грим стягивал кожу на лице, а кожа на голове всё еще горела. Но он не мог отступиться сейчас, он был готов опозориться своим нелепием, хотя спасало то, что в случае краха, она скорее всего даже не поймет кто он. Он провел языком по пересохшим губам и прикрыл нижнюю половину лица подобием лоскутной повязки, которую тоже сшил сам.

Услышав шаги, Лия обернулась. Ведро качнулось, вода плеснула через край. На её лице мелькнуло раздражение.

– Ты кто? – спросила она. – Что тебе нужно?

Он ответил не сразу. Еще секунду он стоял неподвижно и смотрел. Её глаза бегали по его лицу: по гриму, по плащу. Она не узнала его. Да и знала ли вообще? Она же толком и не была с ним знакома, это он за ней наблюдал постоянно.

Она ждала. Он видел, как она сжимает край ведра, как пальцы побелели. Она боялась и это было правильно – любой бы испугался, увидев на рассвете чужака в маске.

Аарен шагнул вперёд, медленно, как, по его мнению, должен двигаться усталый воин после долгого пути.

– Мое имя Рэнли, - сказал он наконец. Голос чуть дрогнул, но он справился. – Я шёл через Пустошь и случайно забрёл сюда… Я не причиню вреда.

– Откуда ты? – её раздражение сменилось на настороженность или даже любопытство. – И куда направляешься?

Он молчал. Он знал, что должен говорить, но слова не шли. Язык прилип к нёбу. Он смотрел на неё и понимал, что должен сказать что-то, что заставит её поверить. Что-то, что сделает его не просто чужаком, а человеком, которому можно помочь.

– Я… За мной охотятся… Я бежал от преследователей. Бродил по Пустоши пару недель, обходя все поселения, но больше не мог оставаться один.

– Ты беглец? Преступник? – спросила она неуверенно.

– Нет, - ответил Аарен. – Преступники – те, кто преследует меня…

И он начал рассказывать.

Он рассказывал ей о Доме, которого никогда не существовало, о падении, которого не было, о битвах, в которых он не сражался. Он рассказывал о том, как бежал с юга, как прятался в лесах, как потерял всех, кто был ему дорог. Он говорил медленно, с паузами, стараясь, чтобы голос звучал голосом уставшего человека, который пережил большие испытания.

И по мере того как он говорил, он видел, как меняется её лицо. Страх уходил, уступая место чему-то другому – сначала сомнению, потом любопытству, а затем и соучастию, и сопе-

реживанию. Она слушала его так, как слушала истории о воинах, подавшись вперёд и затаив дыхание. А её глаза горели тем самым огнём, ради которого всё и затевалось.

Это была ложь, которую он репетировал всю ночь в сарае. Лия смотрела на него так, как никогда не смотрела на настоящего Аарена. С жадностью. С голодом.

«Неужели этого было достаточно, чтобы вызвать у неё интерес?» – думалось Аарену.

Когда он замолчал, Лия долго смотрела на него.

– Я могу тебе помочь, – прошептала она. – Мой отец – староста этой деревни. Мы можем дать тебе укрытие.

– Не надо, – ответил он осторожно. – Никто не должен знать. И я не останусь надолго. Мне нужно просто передохнуть где-то ненадолго и восстановить силы. И затем я уйду.

Она схватила его за руку. Её пальцы были холодными от колодезной воды. От этого прикосновения у Аарена по спине побежали мурашки. Он не думал, что всё будет так несправедливо легко.

– Ты воин? Настоящий? – спросила она.

– Я… воин, – неуверенно кивнул он. – Но сейчас я обессилен. Моя искра почти угасла.

Лия смотрела на него снизу-вверх. В её глазах горел тот самый огонь, который Аарен замечал в них только тогда, когда речь шла про эти ее легенды и мечты о воинах за пределами Пустоши. Теперь этот огонь был направлен на него. На мальчика в плаще, с лицом, размалеванным сажей. Аарен медленно поднял руку. Он понятия не имел, что делает. Никакой искры он не чувствовал. Он резко сжал ладонь в кулак, и воздух вокруг пальцев на секунду стал плотнее, тяжелее, будто сама Ткань мира потянулась к нему.

Лия ахнула. Этого было достаточно.

– Рэнли, – сказала она снова. – Я могу отвести тебя в одно место. Там никто не ходит.

Она поставила ведро на сруб и пошла вперёд, не оборачиваясь.

Аарен пошёл за ней. Он смотрел на её плечи, на её светлые волосы, на то, как легко она ступала по грязи, как туман расступался перед ней. Он чувствовал запах утра, запах мокрой травы и дыма, и всё это казалось ему нереальным.

Она поверила, – подумал он. – Она поверила.

Он повторял это про себя, как заклинание. Мысль эта была сладкой и горькой одновременно. Она не узнала его, сына кузнеца. Она увидела Рэнли, путника с юга. И это было тем, чего он хотел.

Он хотел верить, что это навсегда.

1.2. МИРРОД – Убежище

Миррод просыпался медленно, как старый пьяница, неохотно разлеплявший глаза.

Туман еще висел, но уже не был тем густым саваном, что прятал деревню пару часов назад. Он редел, рвался на клочки, сквозь которые проглядывались очертания домов, те же покосившиеся заборы и мокрые крыши, та же тоска и грязь. Воздух всё еще пах дымом и гнилью, но теперь в нём появилось что-то другое: утренняя свежесть, которую Миррод почти никогда не разрешал себе. Теперь Аарен мог дышать.

Он не мог сказать, что Миррод вдруг стал красивым. Нет, грязь никуда не делась. Под ногами всё так же чавкала размокшая земля, с крыш капало, и стены изб казались более обветшалыми, чем вчера. Но сейчас всё это не имело значения. Вообще. Как будто он смотрел на мир через чужое стекло – через её стекло. Он смотрел на спину Лии, на её плечи, на светлые волосы, выбившиеся из узла, на то, как легко она переступала через лужи и не грязнила ног. Никогда. Даже сейчас, когда она вела его через огороды мимо покосившихся заборов, по тропе, которую знала только она. Она шла впереди, не оборачиваясь, но иногда бросая слова через плечо.

– Там никто не ходит, – сказала она. – Даже отец забыл, что это место есть. Он вообще многое забыл. Я сама нашла его, когда искала, где спрятаться от… ну, от всех.

Она не уточнила от кого, и Аарен не спрашивал. Он вообще молчал, боялся раскрыть рот, боялся, что вылезет не тот голос, что она обернётся, вглядится и увидит в нём того самого тощего парня, который вечно стоял у кузницы и смотрел украдкой. Поэтому просто смотрел на её плечи, на то, как двигались лопатки под тонкой тканью, на волосы, что выбились из узла и касались шеи. Он смотрел так, будто впервые видел человека.

Но она не оборачивалась. Шла вперёд, и туман расступался перед ней, как будто тоже знал, что ей нельзя мешать. Они шли через огороды. Картофельная ботва давно сгнила и превратилась в коричневую кашу. Плети тыкв лежали мертвыми, как кишки. Здесь даже сорняки росли лениво, через силу.

Они миновали крайние дома Миррода. Деревня заканчивалась не резко. Она не обрывалась стеной, а понемногу расползалась в поля и огороды, постепенно сдавая позиции болоту. Огороды уже не выглядели ухоженными: заборы покосились, грядки заросли сорняками, кое-где валялся перевёрнутые снасти, давно никем не тронутые.

Аарен оглянулся. Дома становились меньше, дальше, словно Миррод медленно отступал, оставляя их вдвоём.

Она свернула между двух старых амбаров, почти сросшихся друг с другом, прошла по узкой тропе, заросшей высокой, выше колена, травой. Тропа вилась, как змея.

– Откуда ты знаешь эту дорогу? – спросил он. Голос "Рэнли" прозвучал ровно.

– Я всё здесь знаю, – ответила она не оборачиваясь. – Я выросла в этой дыре. Если уж здесь жить, надо знать, все выходы, даже если это просто сарай.

Она говорила легко, почти беспечно, но Аарен слышал в её голосе ту же горечь, что жила в нём самом. И ему стало легче. Она ненавидела Миррод. Может, не так сильно, как он, у неё были книги и отец, который хотя бы говорил с ней, но она его – Миррод – ненавидела. И эта ненависть делала её ближе.

Они вышли к старому амбару. Он стоял на отшибе, почти на болоте, вросший в землю так же, как врос Миррод.

Крыша прогнулась, но не обвалилась. Стены потемнели от времени, кое-где пошли трещинами. Дверь была наглухо закрыта, но внутри, судя по запаху, было сухо.

– Вот, – Лия остановилась и обернулась. – Никто сюда не сунется. Я приходила иногда, когда хотела побыть одна. Отец думает, что я на реку хожу. Ему всё равно, лишь бы я была при деле.

Она смотрела на него. Аарен замер. Он ждал. Каждую секунду ждал, что сейчас произойдёт то, чего он боялся всю дорогу: она вглядится, узнает, и всё рухнет. Её глаза прошлись по его лицу: по неуклюжему гриму, по повязке, прикрывавшей его рот и часть носа. Она смотрела долго и не узнавала.

– Ты действительно из другого места. – сказала она не то спрашивая, не то утверждая.

Аарен не знал, что сказать. Она стояла перед ним, на фоне старого амбара, на фоне уходящего тумана, и в её глазах горел тот самый огонь, которого он так боялся и так жаждал.

Лия толкнула дверь плечом, но та не поддалась сразу. Она предприняла еще пару попыток, прежде чем дерево заскрипело и сдалось. С распахнутой дверью из амбара вылетело облако пыли, от которого Аарен зажмурился и кашлянул.

– Прости, – сказала она и шагнула к двери. – Давно не открывала.

Она вошла первой, Аарен переступил порог вслед за ней.

Внутри было сумрачно. Слабый свет пробивался через щели в прогнившей крыше. В воздухе висели тонкие золотистые лучи, в которых медленно кружила пыль. Они падали на стены, покрытые слоем старой паутины, на потемневшие доски, на земляной пол.

Где-то высоко под крышей гнездились ласточки: Аарен слышал их приглушённое щебетание, будто они тоже только проснулись и смотрели вниз на незваных гостей.

– Здесь никто не бывает, – сказала Лия, оглядывая амбар с видом хозяйки, которая проверяет, всё ли на месте. – Можешь не бояться.

– Я и не боюсь, – сказал Аарен. Голос прозвучал хрипло.

Лия фыркнула, смахивая пыль с какой-то старой бочки. Аарен чувствовал себя чужим. Лия вела себя так, будто она была здесь хозяйкой. Она знала, куда сесть, знала, какая доска скрипит, а какая нет. Она прикасалась к этим стенам много раз. И теперь она открывала ему дверь в свой мир, своё тайное убежище, в котором она пряталась от той же самой жизни.

– Ты сюда часто приходишь? – спросил он осторожно.

– Раньше чаще, – ответила она, не глядя на него. – Сейчас реже. Может, надоело прятаться. А может, поняла, что от Миррода не спрячешься.

Она села на ту самую бочку, которую отёрла от пыли. Аарен стоял посреди амбара и не знал, куда деть руки. Они висели вдоль тела, как у тряпичной куклы. Ноги приросли к полу.

Она смотрела на него. И он понял, что она ждёт.

– Садись, – сказала она, указывая на тюк сена в углу. – Там сухо. И… я сейчас вернусь. Принесу тебе хлеб и воду. Ты, наверное, голодный.

Аарен кивнул. Лия уже направилась к выходу, но остановилась на пороге и обернулась. Свет падал на её лицо, и на секунду она показалась ему светящейся.

– Я быстро, – сказала она. – Не уходи. Я… я хочу знать, что ты не исчезнешь.

Она исчезла за дверью. Шаги стихли. Аарен остался один. Он стоял посреди амбара в золотых полосах света и чувствовал, как стены смыкаются вокруг него. Он не знал смеяться ему или плакать.

Он сел на тюк сена. Оно оказалось жёстким и колючим. Аарен провёл рукой по поверхности, чувствуя, как солома царапает ладони.

В амбаре было тихо. Только ласточки щебетали под крышей, и пыль кружилась в воздухе.

Аарен закрыл глаза. Потом поднял голову и огляделся.

Теперь, когда она ушла, амбар казался другим. Он был просто сараем. Дырявая крыша, паутина по углам, запах старого дерева и пыль. Следы жизни, которая была здесь когда-то, но ушла.

Аарен встал. Прошёлся взглядом по стеновым доскам. Там, где падал свет, он заметил мелкие царапины. Он подошёл ближе и присмотрелся: кто-то выцарапал на дереве буквы. «Л. И. Я.» – три неровные буквы, разделённые точками. Он знал буквы, хоть и не очень хорошо умел соединять их в слова. Но в этом случае всё было слишком просто. Он провёл пальцем по выемкам. Ощутил углубления, в которые когда-то вдавливалось чье-то лезвие или камень. Она стояла здесь, в этом самом месте, и выцарапывала своё имя. Может быть, чтобы доказать себе, что она существует. Что она есть в этом мире.

Он убрал руку и сжал её в кулак.

«Я вру ей», – подумал он. Он знал, что должен чувствовать себя виноватым. И чувствовал. Но сейчас, стоя в её убежище, вдыхая её воздух, он понял, что это чувство было каким-то неправильным. Не таким, как обычно – когда он врал отцу или кому-то ещё. Это чувство было теплым и почти приятным. Будто он делал доброе дело. Он не врал ей, чтобы причинить боль. Он врал, чтобы она была счастлива. *Потому что я же не враг? Я же даю ей надежду, я даю ей то, о чём она мечтает. Я даёшь ей воина из легенд. И если она счастлива, то какая разница, правда всё или нет?*

Он снова сел на сено, уставился в одну точку на доске напротив и перестал моргать.

Если ложь делает её счастливой, то она перестаёт быть ложью. Она становится подарком. Если он будет врать долго и хорошо, то она никогда не узнает правду, а значит, она не пострадает и не расстроится. Это и есть забота.

Он встал и начал ходить. Мерно, взад-вперёд, по одному и тому же маршруту, считая шаги. Один. Два. Три. Четыре. Поворот. Один. Два. Три. Четыре. Поворот. Отбивал ритм, как молотом по наковальне. Успокаивал себя движением.

«Я не хочу возвращаться туда», – подумал он. – «Туда, где я никто. Где меня не видят. Где я просто грязь. Здесь, с ней, я что-то значу. Я могу быть тем, кого она ждёт. И если для этого нужно врать, я буду врать. Буду врать, пока это не станет правдой. И тогда я перестану врать, потому что стану им. Стану тем, кем назвался.»

Он сжал кулак и почувствовал, как ногти впиваются в ладонь.

«Я сделаю это ради неё», – решил он. – «Потому что она заслуживает. А я... я научусь. Я стану тем, кем она хочет меня видеть.»

Он остановился и посмотрел на дверь. Она вернётся. Она обещала. И когда она вернётся, он снова будет Рэнли. Он будет тем, кого она ждёт. И это будет правильно.

Лия вернулась довольно скоро.

Она развернула узелок. Еды было немного, но всё равно больше, чем ожидал Аарен. Внутри узелка была неровно отломанная половинка хлеба, головка сыра, пара луковиц, небольшая фляжка с водой и то, что удивило Аарена больше всего – маленький горшочек с мёдом.

– Прости, – сказала она, оправдываясь. – Папа заметил бы, если б взяла много.

– Нет, ты что, – замялся он. – Тут более чем предостаточно.

– Ешь. Тебе нужно восстановить силы.

Аарен почувствовал себя неловко. Он смотрел на Лию – запыхавшуюся, с раскрасневшимися щеками и растрёпанными волосами. Опять возникло чувство лёгкой совести от вранья. Придумал какой-то бред, заставил её бегать туда-сюда и всё ради своего эгоистичного желания быть кем-то в её глазах. Теперь он еще и был вынужден есть перед ней, как нищий. Но опять срабатывали рефлекторные оправдания, что всё происходящее в конечном счёте придает красок и её жизни.

– Ну же, чего ты ждёшь, – произнесла она вновь.

Аарен вдруг резко осознал, что ему надо опустить маску с нижней половины лица, чтобы начать есть. И теперь его пришибло то, что его легенда могла разрушиться уже на первом завтраке. Он опустит маску, она увидит его лицо и узнает, кто он, поймет, что это просто сын

кузнеца, а никакой не воин. Он сидел без движений, словно парализованный, Лия непонятливо смотрела на него.

– Ты что стесняешься есть передо мной? – хихикнула она. – Ешь, я не смотрю.

Она чуть успокоила его этими словами, но не отвернулась. Продолжала смотреть на него. На лице Аарена была лёгкая паника, которую он пытался скрыть.

– Нет, я… – наконец выдавил он из себя. – Просто неловко чутка, что вынудил тебя стащить еду.

– Не переживай, ничего страшного. Мы с отцом живём только вдвоём. А он целыми днями торчит в управдоме и возвращается поздно, когда уже спать пора.

– Ты даже мёд принесла, – заметил Аарен.

– Да, – улыбнулась Лия. – Мёд у нас дорогой, но ты же воин. Тебе нужно набраться сил.

Аарен понял, что деваться некуда. Вся надежда была на то, что Лия просто не вспомнит того мальчишку из кузни. Это было вполне вероятно, ведь у Аарена ни разу не получалось вызвать у неё интереса в их редкие пересечения в Мирроде.

Но пальцы у него всё равно дрожали, когда он коснулся ими края повязки. Он держал так руку пару секунд, тянул время как мог, будто надеялся на что-то, что прервёт его перекус. Но ничего не происходило.

«*Только не узнай. Пожалуйста. Только не сейчас. Не так.*»

Эти слова крутились у него в голове всё это время. Они бились, как удары молота по наковальне.

Он потянул ткань вниз.

Прохладный воздух коснулся лица. Он смотрел на Лию. Он ждал, что её лицо сейчас скривится, что она вглядится и отшатнется от разочарования и раздражения. Скажет: «Ты?»

Но было и желание, чтобы она не узнала. Чтобы она смотрела на него и видела кого-то другого. Кого угодно, но не его.

«Не узнай. Пожалуйста. Не узнай.»

Лия долго смотрела на него, а затем улыбнулась и сказала:

– Ну наконец-то. А то я уж думала, ты так и будешь сидеть.

И всё. Она не узнала его.

Аарен медленно и протяжно выдохнул. Он и не заметил, что не дышал всё это время. Он опустил руки на колени, повязка теперь прикрывала его шею. Аарен был рад, что его легенда выстояла этот момент, но и знание, до какой степени он настоящий был неинтересен для Лии, его расстраивало. Но, с другой стороны, он уже решил. Он больше не будет тем Аареном, так что ему резко стало всё равно. Рэнли точно будет важен для неё, а он теперь Рэнли, а не Аарен.

Он отломил ломоть хлеба, поднёс ко рту и откусил. Хлеб был чёрствым, но он не чувствовал вкуса. Он чувствовал только странное тянущееся ощущение где-то под кожей, будто что-то отпустило.

Она вновь заговорила.

– Ты давно не ел?

Он кивнул в ответ.

– Вижу, – сказала она тише. – У тебя дрожат руки.

Он посмотрел на свои руки. Они и вправду слегка дрожали. Он сжал хлеб покрепче, чтобы скрыть это.

– Попробуй с мёдом, - предложила она, и Аарен послушался.

Он макнул ломоть в горшочек: мёд обволок корочку и потянулся за хлебом золотой нитью. Аарен откусил, прожевал и сглотнул. Горло дёрнулось.

Он не помнил, когда ел мёд в последний раз, и ел ли вообще. Он откусил ещё, а руки уже не дрожали.

Лия отвернулась. Посмотрела на стену, на паутину в углу, на полосу света, которая стала шире, чем раньше. Солнце поднималось, время шло.

– Я хочу увидеть мир, – сказала она. – Не этот. Настоящий.

Она говорила быстро. Слова вылетали из неё одно за другим, будто она боялась, что не успеет вывалить ему всё.

– Дочь старосты, – усмехнулась она. – Смешно, да? Сидит в дыре и мечтает о Домах и империях. О магии, об искре, о битвах. Отец привозит книги иногда, когда ездит куда-то. Хоть бы раз взял меня с собой. Я читаю их по десять раз, пока не выучу наизусть. У меня есть одна: про возвышение дома Аризо и падение дома Сефру. А еще я знаю, что сейчас в империи Аризо правит великая воительница Рейехана Аризо. Она является одним из сильнейших магов и Столпом, несмотря на то, что женщина. Хотела бы и я быть такой.

Она замолчала и посмотрела на него.

– Ты, наверное, видел это всё сам. Ты участвовал в битвах, ты владел магией… А я только читала.

Он не ответил. Он жевал. Уже не хлеб, а всё, что она говорила. Ей не нужен был ответ, ей нужно было выговориться.

– Я знаю все легенды, – сказала она. – Я слышала про Эйда, про его орден. Про то, что он светится. Представляла, как он выглядит.

Она снова посмотрела на него, прищурившись.

– Ты видел его? Эйда?

– Нет, – сказал он. – Не видел.

– Но ты слышал о нём?

– Да. Слышал.

– Расскажи.

Он молчал и смотрел на неё. Глаза у неё уже горели. Он не мог рассказать ей больше, чем она знала и так. Он слышал эту историю в нескольких предложениях от торговца Эрвина. Видимо, кто-то ей уже пересказал её. Кто бы это мог быть, задумался он. Аарен не умел красиво рассказывать, но он решил, что Рэнли должен уметь.

И он начал рассказывать.

Он пересказывал то, что слышал от Эрвина, но добавлял свои детали: свет из-под плаща, взгляд, от которого холодеет внутри, и голос, которого слышно за версту. Он не знал, правда это или нет, просто говорил. Слова шли ровно. Он говорил не как Аарен, это был говор Рэнли.

Лия слушала, затаив дыхание.

Когда он замолчал, она сказала:

– Ты первый, кто знает. Первый, кто видел то, о чём я только читала.

Он доел. Вытер руки о штаны. Крошки упали на пол.

Тишина длилась несколько секунд. Он смотрел на неё, она не отводила взгляд.

– Почему ты мне помогаешь? – спросил он.

– Не знаю, – замерла она. – Ты… не такой, как все здесь.

– Какой?

Она отвела взгляд, смутилась впервые за весь разговор.

– В Мирроде все одинаковые, – сказала она тихо. – Все здесь скучные, серые и пахнут болотом. А ты… другой.

– Какой? – повторил он вопрос.

Она снова посмотрела на него, будто искала слова.

– Я не знаю… – сказала она наконец. – Не знаю, кто ты. Не знаю, откуда. Но ты не такой, как они. Ты не сидишь здесь всю жизнь. Ты не ходишь каждый день по одной и той же дороге к колодцу. Ты не знаешь заранее, что скажет тебе каждый встречный. Ты... – запнулась она вдруг. – Прости.

Она поморщилась.

– Что я такое несу… – извинительно выдала она. – Ты же потерял всех… А я тут ною и жалуюсь на свою жизнь, будто твоя сахар.

Он вспомнил об этом только после того, как она напомнила. Конечно, его жизнь, как он считал, тоже не была сахаром. Но дом и родных он не терял. Только маму, которую он и не помнил. Она умерла, когда он только появился на свет. За это отец не особо любил Аарена. Он не винил его напрямую, но заставлял Аарена чувствовать себя виноватым.

– Ничего страшного, – успокоил ее Аарен. – Ты не ноешь. У всех своё, ты просто делишься. Незачем сравнивать.

Она вдруг резко встала.

– Ой, что-то мы заболтались.

Отряхнула платье. Она посмотрела на свет из щелей. Солнце поднялось еще выше. Утро кончалось.

– Мне пора. Отец хватится.

Она виновато посмотрела на него, будто бы извиняясь за то, что уходит.

– Я не хотела так долго, – сказала она.

– Всё нормально, – ответил он.

Она кивнула и направилась к двери. Взялась за ручку и обернулась.

– Я приду завтра утром. Принесу еще еды. И… может, книгу.

– Книгу?

– Ну да. Ты же воин. Должен знать легенды, – улыбнулась она. – Ну, или просто посмотришь, если захочешь.

Она толкнула дверь. Свет упал ей на лицо.

– Ты не уйдёшь? – спросила она, обернувшись.

– Нет. Мне некуда идти.

– Хорошо. Тогда до завтра.

Она улыбнулась и исчезла за дверью.

Аарен закрыл за ней дверь. Потом обернулся, оглядывая вновь амбар. Он подошел к бочке, той самой, на которой сидела Лия, и опустил на неё ладонь правой руки. Дерево ещё хранило её тепло. Он медленно провёл пальцами по поверхности крышки.

Он поднёс ладонь к лицу и вдохнул. Пахло деревом и пылью. Он отдернул руку резко и вытер её о штаны.

Забравшись на самый высокий тюк, он улёгся на спину, подложив руки под затылок.

Он не знал, что будет завтра.

1.3. МИРРОД – Стеклянная птица

Аарен проснулся от скрипа двери.

Сначала ему показалось, что это отец. Он невольно втянул голову в плечи, ожидая привычного пинка о свой лежак и хриплого окрика, но вместо этого услышал мягкий, почти певучий голос Лии:

– Рэнли?

Аарен открыл глаза. Под спиной кололось сено, а сквозь щели в крыше пробивался уже полуденный свет, и он резко вспомнил, где находится.

В дверях стояла Лия. За её спиной разливался дневной свет, отчего сама она казалась тёмным силуэтом в светлом обрамлении. В одной руке девушка держала корзинку, а другой прижимала к груди толстую книженцию с потёртым переплётом.

– Ты ещё спишь?

– Уже нет, – прохрипел он, пытаясь приподняться.

Тело не слушалось. Шея затекла, поясница ныла, а во рту стоял кислый привкус, словно он всю ночь жевал старую тряпку. Он провёл ладонью по лицу, смахивая прилипшую к щеке соломинку, и сел.

Лия засмеялась.

– Извини. Я думала, воины встают с первыми петухами.

– Когда как.

– А сейчас как?

– Сейчас я отдыхаю.

– А-а, ну тогда ладно.

Она вошла внутрь, осторожно закрывая за собой дверь, и огляделась, словно проверяя, не развалился ли амбар за время её отсутствия.

Аарен смотрел на неё, еще окончательно не проснувшись. Солнечный свет выбеливал пряди её волос, выбившиеся из прически. Она принесла с собой запах свежего хлеба, чистой ткани и чего-то еще, чего Аарен не мог распознать. Может быть, мыла. В его доме мыло было такой редкостью, что всякий, кто пах не потом, казался ему приезжим из другого мира.

Лия поставила корзину на уже знакомую бочку.

– Я принесла тебе поесть. И кое-что ещё.

Она с довольным видом протянула книгу Аарену.

– Помнишь, я обещала? – улыбнулась она.

Аарен кивнул, принимая находку. Книга оказалась тяжёлой, с пожелтевшими страницами, а где-то и надорванными. От переплёта пахло старой кожей и пылью. На обложке виднелись потускневшие рисунки – горы, птицы и странное сооружение, напоминавшее огромный каменный улей.

Под рисунком тянулась надпись, выведенная какими-то причудливыми закрученными буквами.

Аарен поднёс книгу поближе к глазам. Он знал буквы, но подобного письма прежде не видел.

– Это сборник старых сказок, – объяснила Лия. – Одна из моих любимых книг. Я в детстве всегда просила отца читать её мне.

– А почему сама не читала? – спросил Аарен.

– Потому что тогда еще не умела, глупый, – рассмеялась она. – А потом научилась. Отец привёз еще много книг, но эта осталась моей любимой.

Он раскрыл её.

Буквы были мелкими и тесно прижимались друг к другу, словно муравьи в разворошенном муравейнике. Аарен попытался прочитать первую строку, шевеля губами и беззвучно складывая отдельные буквы в слоги.

С первого раза не получилось. Он нахмурился и начал снова.

– Ты чего? – спросила Лия.

– Ничего.

– Там что-то непонятное?

– Нет.

Он перевернул страницу, надеясь, что дальше текст будет понятнее.

– Ты ведь даже первую не прочитал, – прищурилась она.

– Я просто посмотрел.

Лия склонила голову набок.

– Рэнли, ты что, читать не умеешь?

Вопрос прозвучал настолько неожиданно, что он на мгновение растерялся.

– С чего ты взяла?

– Ну… – замялась она. – Ты так долго смотришь на одну строчку. И губами шевелишь.

Аарен машинально сжал губы.

– Я не очень силён в грамоте, – наконец признался он, стараясь придать голосу безразличие.

– Правда? – удивилась она.

– У нас, конечно, обучали этому, – сказал он. – Только мне никогда особо не давались книги. Я больше времени уделял боевому искусству.

Он выпрямился, будто хотел подчеркнуть, что в этом нет ничего постыдного.

На самом деле, он считал, что для человека, которого отец обучил только самому необходимому, буквам, читал вполне сносно и даже гордился этим. Но одно дело читать надписи на вывесках, и совсем другое – целую книгу, да еще с такими тонкими и маленькими буквами.

Но будучи Рэнли из знатного Дома, у которого в доступе были лучшие учителя и наставники, он был вынужден считать иначе.

– С детства упражнялся с оружием. А сидеть целыми днями над всякими письменами… Не моё это.

Лия задумчиво посмотрела на него.

– Странно. Я всегда думала, что в знатных Домах учат всему.

– Учат, – подтвердил Аарен. – Но не все одинаково способны к одним и тем же вещам.

– Наверное, ты прав.

Она произнесла это так просто, что он почувствовал облегчение. Она улыбнулась и протянула руку.

– Давай сюда.

– Зачем?

– Почитаю тебе.

– Я и сам могу.

– Да я ведь не говорю, что не можешь! – рассмеялась она. – Просто мне нравится читать вслух.

Аарен нехотя отдал книгу.

– Только не думай, что я совсем безграмотный.

– Не буду, – торжественно пообещала Лия, устраиваясь на привычной бочке, и раскрыла книгу на первых страницах. – Это сборник старых сказок. Ты ведь слышал о Стеклянном крае?

Аарен покачал головой.

– Ни разу?

– Может, и слышал. Не припомню. А что это?

– Земля такая. Далеко на северо-востоке Остера. Там почти нет лесов, зато повсюду огромные скалы, каньоны и сухие равнины. Говорят, солнце там такое яркое, что даже камни блестят словно стеклянные.

– И что там, только камни?

– Конечно нет! Там люди живут. Они даже дома строят внутри скал. Представляешь? Целые города, высеченные в горах!

Аарен невольно представил себе гору, всю испещренную маленькими отверстиями.

Лия повернула книгу к нему и показала на рисунок.

Высокие скалы теснились друг к другу, а в их отвесных стенах темнели десятки, если не сотни маленьких окон. От одного скального выступа к другому тянулись мосты, под которыми разверзались глубокие ущелья.

– Вот смотри.

Аарен вгляделся.

– Это же как жить в огромном куске сыра.

Лия посмотрела сначала на рисунок, потом на него, и вдруг расхохоталась.

– В куске сыра?!

– Ну да. Видишь сколько дырок.

– Это окна, дурень!

– Я и говорю, сыр с окнами.

Она попыталась возразить, но снова рассмеялась, прикрыв рот ладонью.

Аарен тоже улыбнулся. Ему понравилось, что он смог ее рассмешить. Не рассказами о вымышленных сражениях и не выдуманными подвигами, а просто нелепым сравнением, которое само сорвалось с языка.

– Ладно, – сказала Лия, отдышавшись. – Слушай уже.

Она опустила взгляд на страницу и принялась читать.

«Далеко на востоке, там, где сухие ветры гонят песок между высокими скалами, а полуденное солнце ослепляет путников, лежит земля, которую называют Стеклянным краем.

В той земле вода была драгоценнее серебра. Редкие источники прятались в расщелинах, а колодцы уходили так глубоко, что полное ведро едва удавалось вытянуть вдвоём.

Поэтому каждый путник берёг воду пуще собственного кошелька и не проливал напрасно ни единой капли.

В одной из горных деревушек жил мальчик. Каждое утро он водил коз на дальнее пастбище. Дорога туда лежала между высоких скал, по узким тропам, где один неверный шаг мог обернуться падением в глубокую пропасть.

Однажды мальчик нашел у дороги маленькую птицу. Она лежала среди камней, распластав маленькие крылья. Её перья были прозрачны и переливались на солнце, словно тончайшие осколки стекла. Одно крыло было сломано, а в клюве застряли песчинки.

Птица пыталась подняться, но всякий раз падала обратно.

Мальчик пожалел её.

Он достал свой бурдюк, осторожно приподнял птичке голову и напоил бедняжку. Потом завернул её в кусок ткани, спрятал за пазухой и отправился домой.

Но в тот день над Стеклянным краем поднялся великий ветер.

Он пришёл с дальних равнин, неся перед собой тучи песка и пыли. Солнце померкло, знакомые тропы исчезли, а скалы превратились в тёмные тени.

Мальчик заблудился

Долго он бродил среди камней, пока не сбился с ног. Вода в бурдюке закончилась. Песок забивался ему в рот, скрипел на зубах и царапал горло. Солнце уже клонилось к закату, но ветер не стихал.

Тогда мальчик сел под скалой и заплакал.

Он думал о доме, об отце, который наверняка вышел его искать, и о матери, которая ждала его у очага.

А птица вдруг зашевелилась у него за пазухой.

Она высунула голову, расправила здоровое крыло и запела.

Голос её был тонким и чистым, словно звук стеклянной чаши, по краю которой скользил влажный палец.

И откуда-то издалека ей ответила другая птица.

Потом еще одна.

И еще.

Мальчик поднял голову.

Он знал эти голоса. Такие птицы часто гнездились возле родного селения, в тёплых расщелинах над источником.

Он поднялся и пошёл на их пение.

Долго шёл, спотыкаясь и падая, пока наконец ветер не начал стихать, а впереди не показались знакомые огни.

Так мальчик вернулся домой.

А спасённая им птица прожила у него до следующей весны. Когда её крыло срослось, он выпустил её на волю.

Но каждый год, когда над Стеклянным краем вновь зацветали редкие весенние травы, птица возвращалась и пела над его домом.

И говорили старики того селения: добро, однажды отпущенное в мир, всегда найдёт дорогу обратно».

Лия остановилась.

Некоторое время Аарен смотрел на неё, ожидая продолжения.

– А дальше? – наконец спросил он.

– Ничего. Сказка закончилась.

– Странная какая-то.

– Чем тебе не понравилась?

– Да я не говорю, что не понравилась. Просто… – он почесал затылок. – Я думал, птица окажется волшебной. Или там появится какой-нибудь злой маг. Ну или хотя бы разбойники.

– Зачем?

– Не знаю. Для интереса.

– А по-моему, и так интересно.

– Но мальчик ведь просто нашёл птицу, а потом заблудился.

– И птица помогла ему вернуться.

– Она же не специально помогла, – возразил Аарен. – Просто запела. Она же не знала, что за скалами кто-то услышит.

– А какая разница? Всё равно ведь помогла.

Аарен пожал плечами.

– А зачем он вообще потратил на неё воду? Ты же сама говорила, что там воды почти нет. Мог бы оставить себе. Тогда, может, и не пришлось бы мучиться.

Лия посмотрела на него с каким-то странным выражением.

– Потому что ему было её жалко, Рэнли. А ты бы не помог?

Аарен замолчал.

Вопрос оказался неожиданно неприятным.

Он представил себя на месте мальчика: палящее солнце, раскаленные камни, пересохшее горло и маленькую бесполезную птицу, которая вот-вот подохнет от жажды.

Стал бы он тратить на неё последние глотки? Он не знал.

Но Рэнли, воин благородного происхождения, наверняка должен был поступить именно так.

– Помог бы, конечно, – ответил он.

Лия удовлетворённо улыбнулась.

– Вот видишь.

– Только я бы еще и дорогу запомнил, – добавил Аарен. – Чтобы потом не сидеть и плакать.

– Ну конечно! Ты же у нас великий воин.

– Именно.

Она закатила глаза.

– Какой же ты всё-таки…

– Какой?

– Не знаю пока!

Они проговорили ещё долго.

Лия рассказывала о других сказках из книги, о торговцах, которые привозили её отцу всякие диковины, о городах, которые мечтала посетить, и о том, как однажды непременно покинет Миррод.

Наконец Лия вздохнула и закрыла книгу.

– Мне пора.

Аарен почувствовал знакомое разочарование.

– Уже?

– Уже. Если отец вернётся раньше обычного, опять начнёт спрашивать, где я пропадала.

Она встала, отряхнула платье и положила книгу рядом с ним.

– Можешь пока оставить себе.

– Зачем?

– Ну, почитаешь, если захочешь.

– Я ведь говорил…

– Да помню я, помню! – перебила она. – Ты у нас больше по мечам и битвам, а книги не особо жалуешь.

Она выпрямилась и с нарочито важным видом вскинула подбородок и сложила руки на груди, пытаясь изобразить сурового воина.

Аарен усмехнулся.

– Не совсем так.

– Ну, почти. Попробуй всё-таки. А если чего-нибудь не поймёшь, завтра спросишь у меня.

– Ладно.

Лия направилась к выходу.

– Ой, кстати, – вспомнила она, уже взявшись за дверную ручку. – Ты тут поосторожнее будь. У нас в деревне небольшая суматоха.

Аарен посмотрел на неё.

– А что случилось?

– Мальчик один пропал. Сын нашего кузнеца. С позапрошлой ночи никто не видел.

Аарен насторожился, а Лия продолжила:

– Сегодня с самого утра его отец к моему приходил. Такой скандал устроил! Я даже проснулась от его криков. Требовал, чтобы отец немедленно всех мужиков собрал и отправил искать сына. А когда тот сказал, что надо сперва разобраться, куда мальчик мог податься, кузнец совсем взбесился.

Аарен молчал.

– Кричал, что они тут будут разбираться, пока его сын где-нибудь в болотах тонет. Что всем плевать, потому что пропал не их ребёнок. Отец пытался его успокоить, но куда там! Он даже не слушал его. Всё ругался и ругался на всех подряд.

Лия поморщилась.

– В общем, отец всё-таки отправил несколько человек по окрестностям. Велел проверить дороги, болотные тропы и старые постройки. Так что сюда тоже кто-нибудь может заглянуть. Я поэтому и предупреждаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.